

Предоставляем слово первому секретарю правления Союза кинематографистов СССР Льву КУЛИДЖАНОВУ. По многочисленным просьбам телезрителей — читателей нашей газеты он рассказывает о работе над семисерийным фильмом «Карл Маркс. Молодые годы»

«СИЛОВОЕ ПОЛЕ ПО ИМЕНИ МАРКС...»

— Снимать фильм о таких умных и образованных людях, как Маркс и Энгельс, — наслаждение, — сказал Лев Александрович. — Материал — необыкновенно интересный. Мне не

хотелось повторять хрестоматийные истины, но нельзя не напомнить, что, например, Маркс обладал огромной притягательной силой. Никогда не было около Маркса человеческой ме-

лочи: она была ему неотделима. И все крупные политические фигуры тогдашней Европы так или иначе испытывали влияние мощного силового поля, имя которому — Маркс. Добавьте сюда еще и литературную одаренность и Маркса, и Энгельса, и Жюльетты. А их письма имеют просто самостоятельную литературную ценность. Я уж не говорю о стиле произведений: скажем, знаменитое начало «Коммунистического манифеста» — «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма» — звучит, как стихотворная строка, а весь «Манифест» и сегодня, почти полтора века спустя, читается, как поэма в прозе.

И Маркс, и Энгельс были необыкновенно образованными людьми. А сколько языков они знали!

ОКОНЧАНИЕ НА 8-й СТР.

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

— Как вспоминала младшая дочь Маркса, Элеонора Маркс-Эвлинг, в семидесятых годах прошлого века газета «Фигаро» писала, что Энгельс «знается на двадцати языках»...

— Это уже в зрелом возрасте. А у нас на съемках как-то зашел разговор о том, сколько языков знал молодой Энгельс к моменту встречи с Марксом. Мы думали: четыре языка. Не совсем мало, правда? Но главный научный консультант фильма Георгий Александрович Багатурян, имя которого я не могу называть без чувства гигантской благодарности, сказал: «По моему, к этому времени он знал больше. Надо проверить». Это его любимое выражение: «Надо проверить». Проверил, и оказалось — девять.

Приятно иметь дело и с такими остроумными людьми. Общение с ними, их, так сказать, всегда готовая к иронии мысль порождала определенную атмосферу, в которой и другие люди не могли не быть ироничными. Это было, конечно, заразительно. Уже после смерти Маркса Энгельс писал: «Юмора наши враги никогда не могли у нас отнять». Здесь интересна ассоциация: в 1935 году, отвечая на анкету Института мозга, Н. К. Крупская писала о В. И. Ленине: «Веселый и шутиливый».

Юмора полны не только сочинения основоположников марксизма, но даже ответы на полустыливые анкеты дочерей Маркса, которые заполняли и сам Маркс, и Энгельс, и многие другие. Девочки вели подобное анкетирование на протяжении ряда лет, и всего известно несколько анкет, которые заполнил Маркс. Несколько дошло до нас, а сколько не дошло?

В 1865 году на вопрос такой анкеты: «Достоинство, которое Вы больше всего цените в мужчине?» Маркс ответил: «Силу». Лет десять назад мне довелось прослушать целую лекцию на эту тему: лектор связал с ответом

— Как всегда... — Сколько же времени ушло на создание фильма? — Первый разговор о нем состоялся в 1972 году...

Понятно, что авторы сценария опирались на документы, но — какие?

— Самые разные: труды Маркса и Энгельса, их переписку, переписку и воспоминания современников. Должен сказать, что сценаристы Анатолий Гребнев и Борис Добродеев изучили огромное количество материалов. Это и облегчало, и усложняло нашу работу. Так, большинство диалогов построено на документальной основе, но документы надо было переплавить в живой, достоверный разговор на экране. Меня часто спрашивают о «доле фантазии» в том или ином эпизоде. Повторю, она очень мала. Например, сцена разрыва с Вейтлингом практически написана не нами, а ее очевидцем — П. В. Анненковым. Такого материала, к счастью, очень много.

— Фильм — совместное производство студии имени Горького и «ДЕФА». Какова была роль немецких коллег?

с ним работать, и я думаю, что он добился многого. То же можно сказать и о Ренате Блюме в роли Жюльетты.

Достижения Александра Сафонова в роли Энгельса скромнее. Но он не имел того сценарного материала, который имели Кисев и Блюме, у него не было такого же пространства для развития характера.

— В фильме много съемок в павильоне, где почти все можно заранее учесть, но много и натуральных, а где натура...

— Там и погода, верно. Вот уж когда мы поняли земледельцев, потому что с погодой нам, прямо скажем, не везло. Куда бы мы ни приезжали, нас встречали одной и той же фразой: «Вчера была такая прекрасная погода...»

Были и другие сложности: в нашем фильме исключительно важна натура. К тому же ее надо было не только найти, но и организовать, причем так, чтобы зал поверил в достоверность происходящего. Скажем, если в кадре мелькнет телевизионная антенна, зритель минут пятнадцать будет при-

Лев КУЛИДЖАНОВ:

«СИЛОВОЕ ПОЛЕ ПО ИМЕНИ МАРКС...»

Маркса необходимость утренней зарядки и занятий физкультурой. Однако трудно себе представить, чтобы Маркс — даже в полустыливающей анкетке — предположил биндюжника Сонрату.

— Наверно, утреннюю зарядку полезно делать и физкультурой заниматься следует, но мне тоже кажется, что Маркс имел в виду иную силу — ума, интеллекта, характера.

Помните, отвечая на вопрос «Ваше представление о счастье?» подобной анкеты, Энгельс написал: «Шато Марго» 1848 года». Где-то я читал рассуждения о том, что Энгельс-де прибег к инскаванию и упомянул марку вина и 1848 год, намекая на революционные события этого года. Я думаю, Маркс и Энгельс смеялись бы над таким толкованием очень долго... И очень сердито.

Энгельс же на вопрос анкеты «Достоинство, которое Вы больше всего цените в женщине?» ответил: «Умение класть вещи на свое место». А в брачном контракте со второй женой, Лизой Бёрнс, в графе «профессия» он написал: «Джентльмен».

— Некоторые рецензенты писали о вашем фильме «Карл Маркс. Молодые годы», как о биографическом. Вы согласны с таким определением?

— А что значит «биографический»? Кто мне скажет, что это такое — «биографический фильм»?.. Вот, например, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» — биографические картины? А «Чапаев»? А «Александр Невский»? А «Иван Грозный»?.. Понимаете, какая штука? Я очень старался не делать свой фильм биографическим в том привычном и не очень хорошем смысле слова, в каком такое определение будет. И я думаю, что те критики, которым картина понравилась, оценили как раз эту сторону работы. Иначе говоря, мы все-таки очень надеемся, что сняли художественный фильм.

Но могу ли я сказать, что мы создали строго научную биографию Маркса? Нет. Хотя она вместе с тем таковой является, потому что мы не позволили никакой отсебятины. Однако в некоторых случаях мы несколько драматизировали ход вещей, поскольку снимали именно художественный фильм, где без какой-то доли вымысла не обойтись. Я приведу пример.

Известно, что в то время, когда Маркс и Энгельс встретились в Париже — эта встреча положила начало их дружбе, — Жюльетта уезжала к своей матери. В фильме же она находится в Париже. Изменилось ли от этого что-то?

— Видимо, как всегда, большое количество отснятого материала не вошло в законченную картину?

— Такова, что, наверно, без них картину мы и не сняли бы. Во всяком случае, она очень потеряла бы в смысле достоверности среды, в которой происходит действие. Кстати сказать, очень многие — в рецензиях, письмах, разговорах со мной — отмечали атмосферу, которую удалось воссоздать на экране, что имеет, конечно, перво-степенное значение.

Дело в том, что в кинематографе существует чрезвычайно важное двуединство, без которого вы теряете доверие к происходящему на экране: быт и событие. Так меня еще во ВГИКе учил Сергей Аполлинариевич Герасимов. Событие вне достоверного быта не может вас захватить. Другое дело, что кинематографический быт может быть выстроен условно, но все равно — он должен ощущаться, пониматься? Тот, кто говорит: «А, пропади он пропадом, этот быт!» — тоже ведь не обходится без быта, он его тоже создает, только в другом ракурсе, если можно так выразиться. Быт должен быть основой, тем фундаментом, на котором разворачиваются события. Тогда вы им верите. Иначе все воспринимается, как некая вспышка в безвоздушном пространстве, потому что приближенность, по моему глубокому убеждению, губит искусство. Вот как раз в создании особой атмосферы и правдивого быта роль «ДЕФА» огромна. Я с большой благодарностью вспоминаю совместную работу с немецкими товарищами, их вклад в наше общее дело невозможно переоценить.

— Исполнитель заглавной роли Венцеслав Кисев — актер болгарский. Можно предположить, что до него вы перепробовали много «отечественных вариантов»...

— Несмотря на, так сказать, чудовищную многофункциональность, «Карл Маркс» — в большой мере монофильм. Поэтому я был очень озабочен поисками исполнителя главной роли. И прежде всего он должен был быть лично обаятельным. — Когда-то Михаил Ильич Ромм рассказывал, что точно такое же условие он имел в виду, выбирая актера на роль Ленина в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

— И он был абсолютно прав. Начали-то мы с немецких артистов, хотя параллельно искали и у нас. Спустя много месяцев нам повезло: мы нашли в Болгарии Кисева. Думаю, что повезло и Кисеву. Надо сказать, он отнесся к работе чрезвычайно ответственно. Один пример: Кисев не расстался на съемках с книжками Маркса.

— Вы удовлетворены его игрой?

— Мне было интересно

ходить в себя — где уж тут думать о фильме.

К сожалению, случались и актерские замены. По самым разным причинам. Помню, под Веймаром в старом замке, где до сих пор сохраняются комнаты, в которых жил Гёте, мы должны были снимать сцену с Кампхаузенем. Графин — жесточайший. Приехали — надо сразу снимать, потому что на завтра гостиница забронирована уже в другом месте. Все и всё на месте. Горит свет. Графинеры стоят с кисточками, а одного из актеров, который у нас уже снимался, нет. В чем дело? Погода. Оказывается, он — яхтсмен. Мне, как вы понимаете, не хватало только яхтсменов! Он ушел на яхте, его настиг циклон и прибил к какому-то островку... Пришлось снимать другого — в этом эпизоде и уже, конечно, во всех других.

А позже работали над другой сценой. Представьте себе: в зале масса народа — актеры, операторы, рабочие; купитеры, лестницы, микрофоны на штангах и прочее, ничто не стоит на месте — все передвигается. А с потолка свисает огромный венецианский люстра. И, когда отретировали и начали снимать, меня до конца не покидало чувство страха за эту бесценную люстру.

— Как вы оцениваете работу оператора?

— Ну, я, по понятным причинам, пристрастен... А как вы как зритель ее оцениваете?

— Мне кажется, фильм снят превосходно. Но ведь Вадим Юсов — мастер, это давно известно...

— Известно, да. Когда мы начинали картину, я ждал Юсова — он был занят съемками фильма «Они сражались за Родину».

А мои немецкие коллеги меня торопили. На стене комнаты на студии «ДЕФА» красным фломастером была написана дата, когда мы должны были начинать. Срок прошел, я сказал: «Юсов еще не освободился». Тогда рядом со старым числом написали новое — не без укора. В итоге таких дат на стене оказалось три или четыре, прежде чем начался съемки. А когда фильм закончили, один из немецких коллег сказал: «Знаешь, ты оказался прав: Юсова надо было ждать». Я думаю, это конкретная и точная характеристика вклада Вадима Юсова в картину, хотя жаль, что все свелось к маленькому телевизионному экрану — он не позволил полностью раскрыть его работу несравненно ярче.

Мне сейчас вспомнился эпизод, связанный с Юсовым, хотя придется начать чуть издалека — с немецких кучеров. Их работа с

лошадьми была на высочайшем профессиональном уровне, просто виртуозная. Управляя шестеркой, кучер на полном скаку заворачивал в крохотные улочки, можете себе представить?

Помню, Юсова не устраивало, как остановилась карета. Мужик он сильный, ухватился за колесо и пытался его переставить. Кучер спросил через переводчика, в чем дело. Юсов объяснил. Кучер спокойно сказал: «Сделайте мне мелом два крестика — для переднего и заднего колеса — и занимайтесь своим делом». И сколько было дублей, столько раз он проезжал по двору — на полном скаку! с разворотом! — и в кадре ставил карету с четверкой лошадей точно на крестики. Феноменально!

— Вы упомянули о «гримах с кисточками»...

— В таком фильме, как «Карл Маркс», добрая половина грима — портретный. И, разумеется, огромная работа выпала на долю бригады наших гримеров во главе с Алексеем Сергеевичем Смирновым — на мой взгляд, выдающимся художником. Куда бы мы ни ехали, Смирнов вез с собой муляжи, фотографии Маркса, фотографии Кисева, пробы грима и все рисовал, рисовал, рисовал. Он делал одну наклейку — не подходила, вторую, пятую, десятую. Это был титанический труд.

Надо сказать, у Кисева на протяжении картины грим меняется семь раз. Так вот, никто даже не предположил себе не может, какая работа стоит за заключительным гримом старого Маркса. О качестве его зритель может судить сам, я только добавлю любопытный эпизод.

Во время Московского кинофестиваля 1977 года группа его участников присутствовала у нас на съемках, и бордатый режиссер из ФРГ разговорился с Кисевым, который был в гриме Маркса. Дни стояли жаркие, и режиссер посоветовал — Кисев, к слову, превосходно говорит по-немецки, — на то, что, мол, очень жарко. Кисев ответил: «Вам-то проще — у вас борода своя...» «Как?! — изумился немец. — Разве у вас чужая?!» — и долго рассматривал Кисева, пытаясь сообразить, не шутит ли он, в самом ли деле у него борода приклеена.

Вообще, в работе над картиной принимало участие очень много людей. Как жаль, что размеры статьи не позволяют рассказать о них всех... Правда, один пробел я хотел бы специально отметить вклад в картину композитора Берта Вейфельмайера, чья работа отмечена даже та-

ким взыскательным критиком, как Тихон Николаевич Хренников: однажды в разговоре со мной он высоко оценил музыку Вейфельмайера.

— В фильме снимались артисты разных национальностей, на русский язык их дублировали наши актеры, но они, увы, в титрах даже не названы...

— Чтобы хоть как-то замолить этот грех, скажу, что Алексей Алексеев как режиссер превосходно провел дубляж картины и сам отлично озвучил отца Маркса. Молодого Маркса дублировал Сергей Малишевский, старого — Андрей Попов, Жюльетты — Лариса Данилина. По моему, все эти, да и многие другие работы сделаны отлично.

— И последнее: удовлетворены ли вы реакцией публики?

— Я считаю, нас просто захвалили. В редакции, на студии, на телевидение мне прислали тысячи писем, и я сразу же хотел бы сказать об одном из них: Мариэтта Сергеевна Шагинян прислала письмо в редакцию газеты — оно было опубликовано, — в котором тепло отзывалась о картине. Ее отзыв — большая радость для съемочной группы, потому что это умнейшая, образованнейшая женщина, весьма большой авторитет для всей нашей читающей публики, к тому же отлично знающая наш материал. Но все же должен сказать, что из-за многофигурности фильма исполнение некоторых ролей не получило должной оценки в рецензиях. Так, почти незамеченным остался Игорь Ледогов в роли Вейтлинга — на мой взгляд, сыгравший превосходно.

Вообще же, письма меня поразили. География — буквально весь Советский Союз. Возраст авторов: от школьников до пенсионеров. Профессии: от самых мирных до самых боевых — очень много писем пришло от военных. Выходит, картина заинтересовала многих. Но главное в другом.

В печати было опубликовано несколько писем библиотечарей, в которых сказано, что после демонстрации «Карла Маркса» ни одной книжки Маркса и Энгельса на полках не осталось — все разобрали читатели.

Вот это для нас — главный итог...

Григорий ЦИТРИНЯК